

за, мелькать перед глазами);

Рябь – рябая окраска в виде пятен другого цвета на к.-л. фоне, часто создаваемая в движении; (соответственно – *Рябить* – покрываться рябью);

Бледный – неяркий, окрашивающий все в мягкие, светлые тона;

Матовый – неяркий, бледный, мягкого, приглушенного тона;

Блеклый – лишенный яркости окраски; (соответственно – *Блекнуть* – утрачивать яркость окраски, тускнеть);

Определенная выше номенклатура единиц, составляющая метаязык семантического описания может быть представлена в виде таблицы (см. табл. 2).

Таким образом, описание семантики каждой из глагольных лексем денотативно-понятийной сферы «свечения» можно производить в соответствии с выделенными объективными признаками класса денотации, каждый из которых был выявлен на уровне понятийных, когнитивных участков соответствующей ЛСГ: яркость света, периодическое изменение яркости света, цвет.

В качестве лексических единиц метаязыка семантического описания принимаются преимущественно однозначные (или специально ограниченные и оговоренные, если слово многозначно), минимальные стилистически нейтральные единицы естественного (в нашем случае – русского) языка, которые определяются по лингвистическим словарям русского языка и классифицируются в соответствии с вышеобозначенными семантическими признаками.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Кузнецов А.М. От компонентного анализа к компонентному синтезу. М.: Наука, 1986.
2. Вежицкая А. Из книги «Семантические примитивы» // Семиотика, Т.1. М., 1998. С.223-251.
3. Российский энциклопедический словарь. М.: Большая Российская энциклопедия, 1998.
4. Вавилов С.И. О «теплом» и «холодном» свете. М., 1961.
5. Селиверстова О.Н. Опыт семантического анализа группы русских и английских глаголов с общим компонентом «излучать свет» // в сб. Актуальные проблемы психологии обучения речи и психологии обучения языку / под ред. А.А. Леонтьева. М., 1970. С.98-115.
6. Майзель С.О. Свет и зрение. Л. М., 1972.
7. Словарь русского языка: в 4-х т. / под ред. А.П. Евгеньевой. М., 1999.
8. Словарь синонимов русского языка: в 2-х т. / под ред. А.П. Евгеньевой. Л., 1970.
9. Евгеньева А.П. Определения в толковых словарях // в кн.: Проблема толкования слов в фразеологических словарях / под общ. ред. С.Г. Бархударова и др.: Сб. статей ин-та языка и литературы АН Латв. ССР – Рига, 1963. С.7-21.

E. Kalinycheva

ATTEMPT OF METALANGUAGE DEVELOPMENT FOR SEMANTIC DESCRIPTION OF VERBS DENOTING «LIGHT»

Abstract: The author undertakes an attempt to investigate the objective characteristics of the conceptual field denoting light that are used for determining relevant semantic features of metalanguage to be used for linguistic description of modern English verbs of “light”.

Key words: conceptual field, semantic feature, metalanguage, verbs of light.

УДК 808.53

Кискина М.В.

ПРАВИЛА РЕЧЕВОГО ПОВЕДЕНИЯ КАК ДЕТЕРМИНАНТА ДИАЛОГОВОГО ДИСКУРСА*

Аннотация: Характерной чертой организация дискурса является нормативность, в качестве регулярного проявления которой выступают правила речевого поведения, входящие в коммуникативную компетенцию. Нормативные правила речевого поведения этнокультурно детерминиро-

ваны, характеризуют языковую личность, относятся к языковому сознанию, определяют содержание и структуру дискурса, представлены в нем эксплицитно и имплицитно.

Ключевые слова: дискурс, правила речевого поведения, коммуникативная компетенция, языковая личность, языковое сознание

* © Кискина М.В.

Нормативность представляет собой одну из аксиом теории общения (наряду с интенциональностью, включающей цель и специфический мотив, и результативностью). Связанная с функционированием правил речевого поведения, она квалифицируется как выражающаяся прежде всего в факте обязательного социального контроля за протеканием и результатами акта общения [Леонтьев А.А. 1999, 27]. Правила речевого поведения функционируют в качестве средств, или инструментов социального контроля за протеканием и результатами речевого общения. Исключительное значение правилам речевого поведения для сферы употребления языка придавал Р.Якобсон, отмечавший, что «наше языковое поведение управляется правилами построения диалога» [Якобсон Р. 1985, 382].

Следует обратить внимание на такое немаловажное явление, как нормы общения. Нормы общения – это принципы, предписывающие поведение в той или иной культуре, разделяемые членами данной культуры.

Нормы включают в себя:

- коллективную оценку того, каким должно быть поведение представителя данной культуры;
- коллективную интерпретацию того, что значит то или иное поведение;
- частные реакции на поведение, в том числе и запреты на нежелательное поведение.

Культурными антропологами замечено, что одним из существенных различий между культурами является степень жёсткости общепринятых норм и правил. Считается, что на коммуникативное поведение людей наиболее сильно влияют два вида норм – правосудия и взаимности.

Норма правосудия складывается из двух различных значений: справедливость и равенство. Норма справедливости говорит, что если ты что-то получаешь от человека, то должен что-то отдать ему взамен. Это приводит к своеобразному балансу во взаимоотношениях между людьми. Справедливость тесно связана с понятием заслуженности, получения каких-то благ по праву. Норма равенства подразумевает, что все блага должны распределяться поровну между людьми независимо от их личного вклада и индивидуальных потребностей.

Специальные исследования показывают, что в индивидуалистских культурах в основном ориентируются на норму справедливости, а в коллективистских – на равенство. Это связано с тем, что норма справедливости служит индивидуальным интересам человека, а норма равенства – общим интересам членов группы.

Культуры, ценящие норму справедливости, поощряют индивидуальные вклады, идеи, права и обязанности отдельной личности. Культуры, ценящие равенство, отдают приоритет групповой гармонии, согласию, обязанностям личности по отношению к их группе.

Норма взаимности служит развитию межличностных отношений. Она утверждает, что необходимо помогать тем, кто помог вам, нельзя причинять вред тому, кто оказал вам помощь. Иными словами, это внутреннее моральное соглашение, на котором основываются отношения между людьми. Но если в коллективистских культурах нормы взаимности обязательны, в индивидуалистских они считаются добровольными. Нормы добровольной взаимности основаны на свободном выборе человека и его желании взаимного общения, а нормы обязательной взаимности ориентируются на группу, её потребности и интересы.

Мы рассматриваем правила речевого поведения как интериоризованные средства социального контроля общения, имеющие культурную определенность и подверженные этнокультурной вариативности. Иными словами, межкультурная коммуникация представляет собой поле столкновения норм речевого поведения, воплощенных в правилах как интериоризованных средств социального контроля общения.

Можно констатировать, что к кругу лингвопрагматических правил речевого поведения, связанных с постулатами речевого поведения Г.П.Грайса, известных и популярных рекомендаций Д.Карнеги и норм, сформулированных Дж.Личем и Ю.В.Рождественским, отмечаются правила: правило осмысленности речевого поведения, правило учета последствий речевого поведения, правило этнокультурной предпочтительности одного типа речевого поведения сравнительно с другим; правило осуждения определенных форм речевого поведения; правило поощрения определенных форм речевого поведения и другие.

В связи с обсуждением природы правил речевого общения возникает вопрос о статусе правил речевого поведения в структуре языковой личности. При этом нас интересуют по преимуществу прагматические аспекты языковой личности, наиболее непосредственным образом связанные с процессом речевого общения. Прагматическая характеристика языковой личности определяется целями и задачами коммуникации: намерением говорящего, его интересами, мотивами и конкретными коммуникативными установками. Именно мотивированность гово-

рящего, которая, по определению Ю.Н. Караулова, является «коммуникативно-деятельностной потребностью» [Караулов Ю.Н. 1987], и представляет собой единицу прагматического уровня языковой личности, служит наиболее существенным фактором, обуславливающим ее индивидуальные особенности, которые определяются не только уровнем знаний и способностью логического рассуждения, но в значительной степени эмоциями индивида и ситуативными факторами общения. Многоплановость таких факторов и отсутствие достаточно устойчивых формальных коррелятов указанных факторов в речи говорящего затрудняют исследование прагматической характеристики как важнейшего уровня структуры языковой личности.

Действительно, если в вербальной характеристике можно опереться на слова, модели их нормативного употребления, принятые в данном обществе или коммуникативной сфере, если в когнитивной характеристике можно выделить обобщенные понятия, концепты или идеи, которые выражены также вербально, то для прагматической характеристики потребовалось бы перечисление «коммуникативно-деятельностных потребностей» личности, которым «нести числа». Попытки исчисления типичных ситуаций и коммуникативных установок, их систематизации, предпринятые в психологии и социолингвистике, пока не позволили обосновать структуру прагматической характеристики личности.

Ценным источником сведений о правилах речевого взаимодействия могут быть работы в области риторики. В частности, из такого рода работ можно извлечь данные о следующих правилах: быть покладистым, быть всегда готовым к обсуждению, демонстрировать уверенность, что все равно все уладится, демонстрировать прямоту, избегать резких выражений, чтобы никого не обидеть, предпочтительно сообщать то, что приятно принимающему, предпочтительно быстро и положительно реагировать на предложенное, избегать демонстрировать качества, реализация которых не гарантирована, избегать демонстрации авторитарных качеств, избегать попыток анализа демонстрируемых собеседником качеств, не высказывать сомнений относительно принципов, изложенных партнером (сомнения в их наличии, степени выраженности, искренности и т.п.), демонстрация готовности принять любое сообщение партнера, всякое ответное сообщение расценивается как принятие сказанного, свои качества следует предъявлять постепенно, не все сразу, демонстрация учета всего того, что говорится собеседником, избегать преждевременных форму-

лировок относительно партнера и др. [Кузнецов И.Н. 2000, 201 и др.].

Изучение реплик диалога с целью выявления правил речевого поведения показывает, что участники диалога соотносят свое речевое поведение и речевое поведение партнера по диалогу с целым рядом правил, таких, в частности, как правило ненавязчивости, правило уместной эмоциональности, правило соблюдения ритуальности, правило избегания неуместной откровенности, правило необходимого разъяснения (когда осуществляется вербализация этического мотива собственного высказывания в связи с его неадекватным истолкованием со стороны партнера по диалогу).

Очевидно, что правила речевого поведения представляют собой манифестации коммуникативного сознания. В качестве операционной единицы функционирования правил речевого поведения в коммуникативном сознании может быть предложено явление, которое удобно обозначить как «нормативно мотивированный образ коммуникативного сознания», или «нормативно мотивированный коммуникативный образ». По этому поводу заметим, что А.А. Леонтьев различал две основные формы существования образа: а) инвариант образа мира, обусловленный лежащими в его основе социально выработанными опорами (прежде всего значениями) и в свою очередь, могущий быть единым для своего социума (социально-культурной общности, этноса) или для определенной социально-культурной группы внутри этого социума; б) вариант образа мира – индивидуально-личностное “видение” мира конкретным человеком через призму личностных смыслов, установок и других компонентов структуры личности [Леонтьев А.А. 1993, 18], добавим – через призму нормативных правил речевого поведения. Концепция А.А. Леонтьева о формах образа позволяет представить нормативно мотивированный образ коммуникативного сознания в соответствующих двух формах – инвариантной и вариантной.

Представляется, что вводимое нами понятие нормативно мотивированного образа коммуникации или элемента (аспекта) коммуникации может быть операционально полезным для исследования закономерностей организации диалогового общения как интеракции языковых (коммуникативных) сознаний.

Вместе с тем, нормативно мотивированный образ коммуникации в целом, как и нормативно мотивированный образ отдельного компонента или аспекта коммуникации может быть не включенным в непосредственное восприятие ком-

муникативной действительности, а полностью рефлексивным, отделенным от нашего действия в речевой коммуникации, в частности коммуникативного восприятия. Такой образ может быть ситуативным, т.е. фрагментарным, — например, при работе памяти или воображения.

Нормативно мотивированные образы языкового сознания интегрируют в себе умственные знания, формируемые самим субъектом в ходе речевого общения и чувственные знания, возникающие в сознании в результате переработки перцептивных данных, полученных от органов чувств в предметной деятельности.

А.А. Леонтьев отождествляет понятие «языковое сознание» с понятием «образ мира». Последний есть отображение в психике человека предметного мира, опосредованное предметными значениями и соответствующими когнитивными схемами и поддающееся сознательной рефлексии. Выделяя два уровня образа мира, А.А.Леонтьев соответственно выделяет и два уровня языкового сознания: уровень инвариантных схем и уровень индивидуальных и национальных особенностей. Под инвариантными схемами понимают особенности субъективного членения языковой реальности носителем любого языка. Это членение не совпадает с нормативно-грамматическим (синтаксическим) членением.

Существуют две области проявления языкового сознания: динамичная форма – выражение состояния сознания в вербальной форме; структурная форма – это структурные образования, формирующиеся в результате ментального опыта субъекта. Эти структурные образования обозначены термином «языковой тезаурус», который представляет языковое сознание носителя языка.

Говорящие на разных языках могут выразить одно и то же смысловое содержание различными языковыми средствами. В некоторых языках возможности выражения тождественного содержания одинаковы, и если представители одной нации отдают предпочтение одному способу выражения мысли, то носители другого языка предпочитают другие языковые средства для выражения того же самого смыслового содержания. Выбор языковых средств, в каждом отдельном акте коммуникации зависит от различных факторов: личностные свойства, конкретная ситуация общения и др., среди которых не последнюю роль в выборе языковых средств играет национальная специфика языкового сознания говорящего.

Рассмотрение правил речевого взаимодействия, выявленных в прагматических исследованиях, раскрывает круг прагматических

норм, которыми в речевом общении руководствуются участники диалога и с которыми соотносится употребление высказываний диалогового дискурса. Классы коммуникативных актов могут быть описаны, согласно К.Менгу, как типичные последовательности речевых действий и охарактеризованы определенными константными способами осуществления межличностного взаимодействия и коммуникации или процедур коммуникации или образцами действий. Понятие схемы при этом должно подчеркивать упорядоченность, организованность, регулярность [Менг К. 1983, 222].

Представляя собой существенный элемент духовной жизни субъекта, правила речевого поведения определяют его поведение и в частности речевое поведение. В качестве примера рассмотрим следующий диалог:

– My husband enjoys gambling, Mr. Marlowe. I know that, and I hoped to prevent you from knowing that.

– I have been happy to indulge him in this... my father would have said weakness, I suppose [Chandler R., Parker R., 39].

Построение реплик партнеров, а также строение диалога в целом определены правилами речевого поведения, присущими коммуникантам. Так, семантика высказывания первого коммуниканта определена правилом, которое можно назвать «правилом откровенности» (см. соответствующие максимы Г.П.Грайса и Дж.Лича), а также правилом речевого поведения, которое можно назвать «правилом предостережения партнера» как разновидности максимы доброжелательности. Ответная реплика второго коммуниканта также демонстрирует нормативную отмеченность, в частности, правилом «снисходительного отношения к слабостям партнера» (разновидность максимы великодушия). Явление столь выраженной определенности высказываний коммуникантов со стороны правил речевого поведения позволяет говорить о существовании дискурса особого рода – дискурса, эксплицитно отмеченного правилами речевого поведения. В рассмотренном примере мы имеем дело с эксплицитной отмеченностью дискурса правилами речевого поведения, в других случаях речь может идти об имплицитной отмеченности дискурса правилами речевого поведения.

Нами замечено также, что семантическая структура диалога основывается на координации правил речевого поведения, которых придерживаются партнеры по вербальному взаимодействию. Указанная координация на семантическом уровне может приобретать различные формы, например,

форму протеста против правила, которому следует партнер или против несоблюдения правила. Определяя общую структуру речевой коммуникации, К. Менг указывал на ее межличностный характер, подразумевая под межличностным характером деятельности в коммуникации взаимозависимость действий партнеров в рамках совместной деятельности. Совместная деятельность возникает в результате того, что в ней поочередно действуют несколько участников, согласующих свои действия. В совместной деятельности партнеры действуют на основании индивидуальных мотивов и преследуют индивидуальные цели, но при этом, по крайней мере в определенной степени, у них должны совпадать цели. В противном случае индивидуальные действия не смогут быть скоординированы в коллективную деятельность [Менг К. 1983]. В данном случае указывается на индивидуальные мотивы и цели, как на факторы, определяющие поведение участников диалога. Однако мотивы по своей природе тесно связаны с нормативными ориентациями; что же касается целей, то понятие правила нередко осмысливается через понятие цели. Для успешной координации совпадение правил речевого поведения у партнеров не обязательно, но совершенно необходимо следование принципу соблюдения правил.

Многие ситуации, связанные с употреблением диалогического дискурса, относятся к типу коммуникативных конфликтов. В межличностном взаимодействии фрустрация возникает в том случае, когда (по мнению одной из конфликтующих сторон) коммуникативный партнер нарушает нормы (правила) поведения [Горелов И.Н., Седов К.Ф. 2001]. Например:

– There's too much talking out of turn. We can't have proper assemblies if you don't stick to the rules. [Golding, 115] (Слишком многие говорят без очереди. Мы не сможем провести собрание нормально, если не будем соблюдать правила).

Под правилами обычно понимается «поведение, которое, как полагают члены группы, должно (не должно) или может быть исполнено в той или иной ситуации или классе ситуаций» [Васильев Л.Г. 1987]. Отмечается, что в коммуникативных ситуациях существует множество правил вежливости и правил подобающей социальной дистанции, которые обеспечивают диалог наиболее естественными характеристиками [Goffman E. 1971].

Некоторые правила, – указывает Т.А. ван Дейк, – являются достаточно строгими и общими по характеру, другие – факультативны, они представляют собой не более чем “предпочтительные варианты”. В этом случае формальные

правила теряют свой алгоритмический характер и становятся вариативными, как и многие социолингвистические правила или даже приобретают характер удобных стратегий. И правила, и стратегии имеют когнитивную природу, и носители языка могут применять в процессах производства и понимания дискурса установленные правила, закрепившиеся в общественном употреблении, правила менее жесткие; они могут применять и контекстно обусловленные, целесообразные стратегии [Дейк Т.А. Ван, 1989].

По мнению специалистов, ситуация общения представляет собой сферу реализации присущих людям норм и правил. Ситуация понимается как тип, или образец социального взаимодействия, привычный для членов данной культуры. Нормы и правила классифицируются как факторы ситуации общения вместе с другими, такими, как цели взаимодействия, роли, репертуары участников, последствия поведения, концепты (представления о себе и других), окружающая среда, язык и речевые особенности, барьеры общения и навыки их преодоления [Лебедева Н.М., 1999]. Нормы – это принципы, предписывающие поведение в той или иной культуре, разделяемые членами данной культуры, включающие:

- коллективную оценку того, каким должно быть поведение представителя данной культуры;
- коллективную интерпретацию того, что значит то или иное поведение;
- частные реакции на поведение, включая попытки наложения санкций на “нежелательные” варианты поведения.

Правила определяются как предписания, говорящие, как должно вести себя в данной ситуации [Argyle M., 1982]. Правила регулируют ожидания у взаимодействующих субъектов относительно того, какое поведение соответствует данной ситуации, а какое – нет. Правила рождаются и развиваются на основе целесообразности и служат для согласования деятельности людей, упорядочения социальной жизни. Они наполняют значением взаимные ожидания, делая поведение каждой личности предсказуемым и понятным другим. Относительно правил имеются также и наблюдения о том, что правилам нужно следовать, но их можно и нарушать, а также о том, что правила условны и не имеют ценности истины [Лебедева Н.М., 1999].

Утверждение, что правилам нужно следовать, но их можно и нарушать, особенно показательно в отношении высказываний диалогического дискурса, значительная часть которых соотнесена именно с правилами поведения. Появление таких высказываний в речевом опыте как

раз связано с тем, что правилам нужно следовать, так как эти высказывания основаны на пресуппозиции необходимости следования правилам. С другой стороны, появление таких высказываний в речевом опыте вызвано реальным или возможным нарушением правила, реального или предполагаемого, так как такого рода высказывание есть знаковая реакция именно на нарушение правила, и если бы правила не нарушались, высказываний такого рода могло бы не быть. Так, например, высказывание:

– «Ну ладно, не будем об этом говорить» [Волков Н.В.], соотнесено с правилом, которое можно определить как «правило возможности закрытия темы», но оно может быть нарушено и, как мы знаем из личного опыта, регулярно нарушается.

Подобным же образом высказывание:

– «А ты погоди, дай и нам слово молвить» [Леонов Л.], соотнесено с правилом, которое можно определить как «правило предоставления возможности говорить другому» и одновременно знаменует знаковую реакцию на нарушение данного правила партнером и попытку скорректировать неадекватное речевое поведение партнера по диалогу.

В порядке контраста приведем здесь высказывание, соотнесенное непосредственно не с правилом, а с пресуппозицией, т.е. с определенным знанием о речевом поведении людей, в частности с знанием того, что говорящие люди в определенных обстоятельствах умолкают, что нередко происходит, когда их застают за обсуждением того, что не обсуждается или не уместно обсуждать в данной ситуации. Например:

– «Замолкли-то, ай голосишко потеряли?» [Леонов Л.].

Представляется, что вводимое нами понятие нормативно мотивированного образа коммуникации или элемента (аспекта) коммуникации может быть операционально полезным для исследования закономерностей организации диалогового общения как интеракции языковых (коммуникативных) сознаний. Правила речевого поведения представляют собой значимую часть коммуникативного опыта и могут быть расценены как действенный фактор, определяющий содержание и структуру речевой коммуникации; они могут быть представлены в высказываниях диалогического дискурса как имплицитно, так и эксплицитно.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Васильев Л.Г. Речевое общение и понимание высказываний // Психолингвистические исследования:

звук, слово, текст. – Межвузовский тематический сборник научных трудов. Калинин, 1987. С.127-134.

2. Вацлавик П., Бивин Дж., Джексон Д. Прагматика человеческих коммуникаций. М., 2000. 342 с.
3. Горелов И.Н., Седов К.Ф. Основы психолингвистики. М., 2001. 304 с.
4. Дейк Т.А. Ван. Язык. Познание. Коммуникация. М., 1989. 312 с.
5. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. М., 1987. 260 с.
6. Кузнецов И.Н. Риторика. Минск, 2000. 212 с.
7. Лебедева Н.М. Введение в этническую и кросс-культурную психологию. М., 1999. 224 с.
8. Леонтьев А.А. Языковое сознание и образ мира// Языковое сознание: парадоксальная рациональность. М., 1993. С.18-25.
9. Леонтьев А.А. Психология общения. 3-е изд.- М., 1999.- 365 с.
10. Леонтьев А.А. Основы психолингвистики. М.; СПб., 2003. 287 с.
11. Менг К. Семантические проблемы лингвистического исследования коммуникации // Психолингвистические проблемы семантики. М., 1983. С.221-238.
12. Якобсон Р. Лингвистика в ее отношении к другим наукам // Избранные работы. М., 1985. С. 369 – 420.
13. Argile M. Intercultural communication // Cultures in Contact: Studies of Cross-Cultural Interaction. Oxford, 1982.
14. Goffman E. Intercultural Ritual. N.-Y., 1971.- 521 p.

Источники языкового материала

1. Волков А.М. Огненный бог марранов. – Киев: МП «Райдуга», 1991. – 143 с.
2. Леонов Н. Деньги или закон. – М.: Эксмо-Пресс, 1999. – 213 с.
3. Chandler R. – Parker R. Poodle Springs. – N.-Y.: Berkley Books, 1990.– 290 p.
4. Golding W. Lord of the flies. – Moscow: Raduga publishers, 2002. - 272 p.

M. Kiskina

VERBAL BEHAVIOUR RULES AS A DISCOURSE DETERMINATIVE FACTOR

Abstract: The normative is a particularity of the discourse organisation, forming the base of the verbal behaviour rules as a part of communicative competence. The normative rules of the verbal behaviour are the ethno-cultural phenomena, in reference with the verbal personality and in relation with verbal mentality, determinative the content and the structure of the discourse in the explicit and the implicit modes.

Key words: the discourse, the verbal behaviour rules, communicative competence, the verbal personality, verbal mentality